

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

ИЗМЕРЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

А.А. Оносов¹, А.Т. Гаспаришвили²

¹Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

²Институт социологии РАН

ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, Россия, 117218

В статье в рамках существующих научных подходов рассматривается процесс этнизации массового сознания российских граждан, происходящий в условиях трудовой миграции внутри России и притока мигрантов из-за рубежа. В статье представлены результаты ситуационного анализа и гуманитарной экспертизы комплекса основных проблем, обусловленных современными миграционными процессами. На основе статистического материала, данных опроса общественного мнения и экспертных оценок описана эмпирическая модель идентичности русского населения Москвы и Московской области — как главных российских центров притяжения международных трудовых мигрантов. Содержательный анализ вопросов и противоречий, связанных с трудовой миграцией в регионе и взаимоотношениями населяющих его этносов, предваряется выяснением очертаний идентичности коренных жителей региона в том виде, в каком она осознается самим русским населением. В качестве измерений идентичности, по которым происходит ценностное ранжирование, наряду с собственно этнической (национальной) принадлежностью используются и другие самостоятельные, относительно независимые признаки: конфессиональная включенность, цивилизационная ориентированность, культурные, профессиональные, территориальные и ряд других важных характеристик. В результате возникает многомерное пространство идентичности, каждое измерение которого имеет собственную значимость для самоопределения человека и свою шкалу градаций для выражения конкретного признака.

Ключевые слова: идентичность; трудовая миграция; этническая идентичность; этнизация; гражданская идентичность; религиозная идентичность; общественное мнение; гуманитарная экспертиза.

В рамках исследовательской инициативы по изучению миграционной ситуации в современной России авторами был выполнен проект «Исследование этнизации массового сознания русских в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, интеграции мигрантов в российское общество»*. Целями

* При реализации проекта были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом общественного проектирования по итогам VI Конкурса «Проблемы развития современного российского общества» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 216-рп.

проекта являлись: создание научной картины процесса этнизации массового сознания российских граждан, происходящего в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа; определение возможных негативных последствий этого процесса для формирования российской политической нации, социальной стабильности в регионе и стране; изучение образцов толерантного сосуществования и взаимодействия российских граждан разной этнической принадлежности и граждан других государств постсоветского пространства, условий толерантности и перспектив интеграции; выработка рекомендаций по совершенствованию политики, направленной на оптимизацию межэтнических отношений в российском обществе.

В качестве целевых групп исследования выступили этнические русские, постоянно проживающие в Москве и Московской области, а также эксперты в области миграции: представители органов государственного управления и общественных организаций, ученые, представители средств массовой информации.

Поскольку основные характеристики миграционной ситуации в Москве и Московской области, определяющие базисные векторы пространства идентичности русского населения региона, были рассмотрены ранее [1], в статье затрагивается лишь часть названной проблематики, а именно — вопросы самоидентификации русского этноса. Более развернутому описанию позиции русского населения московского региона в системе межэтнических отношений с трудовыми мигрантами будет посвящена отдельная публикация.

ПРОСТРАНСТВО ИДЕНТИЧНОСТИ

Содержательный анализ проблем, связанных с миграционными процессами в Москве и Московской области, со взаимоотношениями этносов, населяющих столичный регион, должен быть предварен выяснением очертаний идентичности коренных жителей региона в том виде, в каком она осознается самим русским населением. При этом в качестве признаков, по которым респонденты могли обозначать свою идентичность, выстраивая ранги ценностных приоритетов, наряду с этнической (национальной) принадлежностью использовались и конфессиональная включенность, цивилизационная ориентированность, культурные, профессиональные, территориальные и ряд других важных характеристик. В результате возникло многомерное пространство идентичности, каждое направление которого имеет собственную значимость для самоопределения человека, свою шкалу для измерения конкретного признака.

Полученное распределение факторов самоидентификации позволяет утверждать, что доминирующим признаком *первой важности* для участников опроса (19,5%) является их *вероисповедание*, т.е. применительно к русским это преимущественно православие. Почти так же часто (18,1%) жители региона в качестве первостепенного признака указывали *российское гражданство*, т.е. Россию как «большую родину». А вот «малая родина» — конкретный *город проживания* респондентов — чаще всего оказывался *вторым по важности* фактором, задающим идентичность (24%). Следующим второстепенным признаком служит собственно

этническая принадлежность — 17,4% опрошенных указали важность своей национальности для самоопределения.

Таким образом, «русскость» для русского населения московского региона — не главный признак самоопределения. Этот вывод подтверждается сводным рейтингом критериев идентификации, составленным без учета степени (первой или второй) их важности. В этом случае обнаруживается «взвешенная» система важнейших факторов, определяющих идентичность участников опроса (рис. 1).

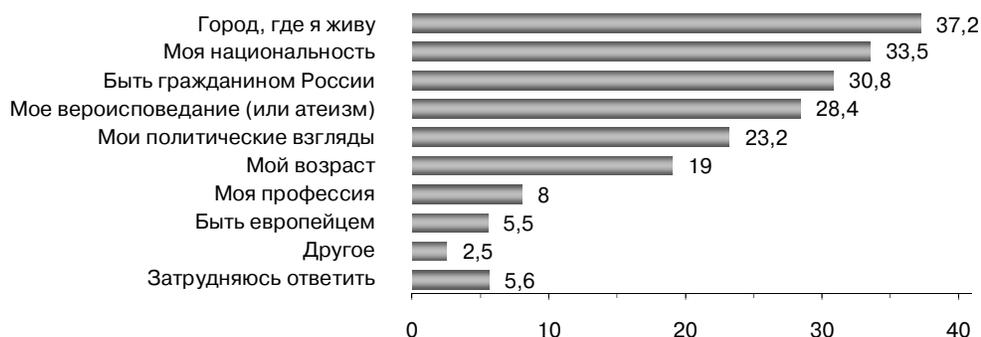

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас самое важное, когда Вы определяете, кем Вы являетесь?», в % (1)

В преобразованной системе координат наиболее нагруженный и действенный критерий — «малая родина» (37,2%), вторым по значимости для самоопределения русского жителя московского региона служит национальность (33,5%), третьим — принадлежность российскому социуму (30,8%). Вероисповедание в такой обобщенной системе оказывается лишь на четвертом месте (28,4%). Замыкает «топ-5» факторов политическая ориентация (23,2%) как характеристика, используемая для самоидентификации.

В оценках *специалистов* о первостепенном признаке идентичности русских, проживающих в Москве и области, наиболее ярко представлены две позиции. Первая базируется на экспертных оценках, квалифицирующих в качестве доминанты *социально-профессиональную* идентичность.

В соответствии с таким подходом ключевым обстоятельством в осознании собственной идентичности русских, населяющих столичный регион, служит их *трудовая деятельность*, прямыми производными которой являются социальный статус, доход и благосостояние. Однако результаты массового опроса свидетельствуют, что подобная профессионально-статусная идентификация несвойственна большинству русских Москвы и области, что говорит о рассогласованности экспертных оценок и самооценок русского населения региона по данному вопросу.

Сторонники второй позиции утверждают, что определяющей идентичностью русских столичного региона является *национальная*, проявляемая не только в собственно национальном или этническом аспектах, но также в лингвистическом и общекультурном. Такой подход постулирует приоритетность культуры, образования и русского языка при построении русским человеком своего образа-идентификатора. В этом контекстном расширении можно и нужно говорить о *культуре*

турной идентичности, принимая в расчет, что сама культура имеет вполне определенное национальное выражение, а язык — ее ценностно-смысловая пружина (ряд экспертов воспринимают русский язык в качестве основного культурного достижения русского народа, а его сохранение считают главной культурной задачей нынешнего и будущих поколений русских, причем задачей, непременно требующей, с учетом девальвируемого статуса русского языка, активного и деятельного государственного участия).

Кроме того, в экспертных суждениях встречаются и другие оценки. Например, утверждается, что доминирующей формой идентичности русских, проживающих в Москве, является их локальная городская — московская — идентичность, т.е. они воспринимают себя в первую очередь как *москвичей*.

Эта точка зрения действительно соответствует выявленной ранее (рис. 1) приоритетной позиции в ранжированной системе важнейших факторов, определяющих идентичность жителей московского региона.

Еще одна, хотя не вполне отчетливо выраженная, экспертная позиция интересна не только в содержательном аспекте, но и с точки зрения подхода к ответу на поставленный вопрос: логика подхода предполагает отказ от восприятия русских, населяющих московский регион, как однородной группы. Сторонники данной позиции считают невозможным или затруднительным генерализировать и автоматически распространять суждения о главных признаках самоидентификации русских на все русское население Москвы и Подмосковья.

Для получения верного представления о ситуации эксперты полагают необходимым предварительно дифференцировать русское население столичного региона по ключевым социально-демографическим признакам, раскалывающим «монолит» русского населения на отдельные социальные группы, — для каждой такой группы в большей или меньшей степени может быть характерен свой тип идентичности. Более того, можно говорить и об индивидуальном уровне идентичности, о личных моделях самоопределения русского человека из числа жителей Москвы и области: нет общего для всех русских главного признака, будь то национальность или положение в обществе; используемый критерий самоидентификации зависит от конкретного человека, его воспитания, культурно-образовательного уровня, наличной жизненной ситуации. Подобный методологический подход к этничности и идентичности Роджерс Брубейкер обозначил как «антигруппистский», противостоящий классическому модернизационному подходу, приписывающему этническим группам сущностные характеристики. Однако нельзя утверждать, что эксперты, не считающие нужным дифференцировать подобным образом идентификационные тренды в сознании русских москвичей, принципиально придерживаются эссенциалистских взглядов, и, тем более что эти взгляды преобладают в их выводах о доминирующих формах идентичности.

Таким образом, в совокупности факторов идентичности первой и второй важности приоритетным для русского человека, проживающего на территории Москвы и области, является восприятие себя в качестве *жителя конкретного города* — как участника повседневной социокультурной динамики по месту жительства.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Вторым по значимости признаком русской идентичности жителей московского региона является *национальность*, поэтому несомненный интерес представляет то содержание, которое респонденты вкладывают в понятие «русский». Что же, по мнению русского населения Москвы и Подмосковья, необходимо, чтобы считаться русским, и насколько важны отдельные обстоятельства? Прежде всего это непосредственное, рационально неартикулируемое *ощущение русскости*: 95% опрошенных именно так, на чувственном уровне, воспринимают свою этническую принадлежность. Следом идет *«активный патриотизм»*, выражающий ответственность москвичей за свою землю, их готовность защищать ее от врагов (94,4%) и общение на *родном языке* (94%).

Вторая группа объединила признаки, статистический вес которых варьирует в диапазоне 84—86%, — это *уважение к российской государственности, постоянное проживание в России и генетически русское происхождение*. При этом последние два обстоятельства, по мнению участников опроса, не обязательно связаны с *рождением на территории России* — важность этого условия признается меньшим числом респондентов (71,2%). Примерно столько же (72,9%) отмечают, что для того, чтобы считаться русским, надо *быть православным*.

Говоря о данном распределении в целом, следует отметить высокую консолидированность мнений по вопросу о чертах национальной идентичности: все отмеченные респондентами обстоятельства, в конечном счете формирующие чувство принадлежности русскому этносу, признаются большинством. Даже самый статистически «слабый» признак, по сути расширяющий узко национальное мышление до осознания полиэтничности социума — *быть ответственным за все народы, живущие в России* — по мнению 62,4% опрошенных, является неотъемлемым атрибутом русского человека.

Разумеется, данное распределение имеет отклонения от средних в разных социально-демографических группах, но в большинстве случаев они не выходят за пределы статистической ошибки. Наиболее заметны колебания в суждениях по поводу конфессиональной принадлежности: на православности как черте русского человека более других настаивают представители старших поколений (примерно 79% 50—59-летних и 63,6% тех, кто на 20 лет моложе), женщины (76,5%, против 68,4% мужчин). Кроме того, представители молодых поколений в меньшей степени, чем их старшие сограждане, склонны уважать политический строй.

Для обобщения полученной картины из совокупности рассмотренных признаков методом факторного анализа были выделены три главных компонента русской идентичности:

— фактор № 1 — *«исторический суверенитет»*: ощущение русского мира, гражданское уважение к его историческим проявлениям и социально-политическим проекциям, принятие ответственности за исторические судьбы всех этносов, составляющих многонациональный социум России (фактор на начальном этапе объяснял 27,4% полной дисперсии);

— фактор № 2 — *«почвенничество»*: признание генетической связи с родной землей, убеждение, что быть русским можно «по природе», для этого нужно ро-

даться и жить в России (первичная объясненная дисперсия фактора — 14,1% общей дисперсии);

— фактор № 3 — «этнопатриотизм»: преданность отечеству, верность русским культурным традициям и признание православной веры в качестве неотъемлемой черты русского характера (первоначально фактор объяснял 10,9% совокупной дисперсии).

Для извлеченных факторов была выполнена стандартная процедура вращения методом варимакс с нормализацией Кайзера. Полученная после поворота факторов модель суммарно объясняет 52,4% полной дисперсии. Принятие этих факторов идентичности позволяет на более высоком уровне обобщений формировать представление о процессах идентичности русских в современном российском социуме.

Интегрируя частные характеристики, можно в системе основных параметров обозначить социально-демографический рельеф зон влияния выделенных факторов. В результате каждый из факторов идентичности имеет определенный социально-демографический профиль значимости. Так, влияние фактора № 1 в вопросе идентичности распространяется чаще всего на мужчин среднего возраста (40—49 лет), со средним или средним специальным образованием, невысоким уровнем доходов, проживающих в Москве. Профиль влияния фактора № 2 в целом близок предыдущему, за исключением того, что значимость этого фактора для самоидентификации в большей мере ощущает житель не столицы, а подмосковного города, со средним достатком. Наконец, фактор № 3 важен для идентификации в большей мере женщин из возрастной категории 50—59 лет, с низким уровнем образования и доходов, проживающих в Подмосковье.

В рамках темы этнической идентичности респонденты могли обозначить степень важности некоторых наиболее действенных детерминант национального единства. Распределение ответов на серию соответствующих уточняющих вопросов, предложенных участникам исследования, открывают возможность более глубокого и точного понимания механизмов формирования у жителей московского региона ощущения единства русского этноса. Данные свидетельствуют, что интеграция этноса, в представлениях участников опроса, идет одновременно по нескольким направлениям, каждое из которых сверхзначимо: в системе таких изменений возникает своеобразие и единство национального, в данном случае русского, мира, задается его ценностный базис.

Важность таких признаков, как (а) национальная культура, традиции и обычаи, (б) происхождение и историческое прошлое, (в) язык и (г) историческая родина, Россия, для объединения русских признается респондентами практически единогласно (примерно 95—96%). Влияние религии на единство этноса чуть ниже (86,9%), особенно по мнению тех, кто не считает себя верующим (80,2%).

Дальнейшая разметка пространства русской идентичности, в соответствии с методикой исследования, шли путем сопоставления самими респондентами на предельно общем уровне русских с другими народами. Респондентам были предложены два суждения, отношение к которым могло варьировать от категорического несогласия до полного согласия: (1) «В мире нет людей лучше, чем рус-

ские» и (2) «Чем большее влияние оказывают русские на другие народы, тем лучше для этих народов». Полученные данные говорят о высокой солидарности оценок: согласие, причем почти безоговорочное, с тезисом, что русские — лучшие люди в мире, и с утверждением о благотворном влиянии русских на другие народы выражено практически единодушно и очень отчетливо, «на чистой ноте» убежденности. Такая гипертрофированная самооценка преобладает во всех социально-демографических группах, хотя и имеет некоторые статистические отклонения от средних значений, например, неверующие люди с большей осторожностью склонны соглашаться с предложенными тезисами.

Подобную далеко несамокритичную позицию респондентов в вопросе этнической идентичности можно воспринимать как своеобразную реставрацию традиционной хоругви «богоизбранности» русского народа, но, скорее всего, это все же рефлексивная защитная реакция на этнокультурную агрессию возникающих и множущихся мигрантских анклавов. Этот всплывший в сознании русских стереотип, удостоверяемый весьма высоким баллом оценок (4 балла) (2), способствует поддержанию пассионарного духа и исторического оптимизма нации, но одновременно препятствует ее критическому самоанализу.

Если на полученное распределение взглянуть с точки зрения ранее выделенных факторов идентичности, то можно отметить закономерный факт, что этническое позиционирование в большей мере свойственно респондентам, для которых почвенничество — определяющий фактор самоидентификации (рис. 2).

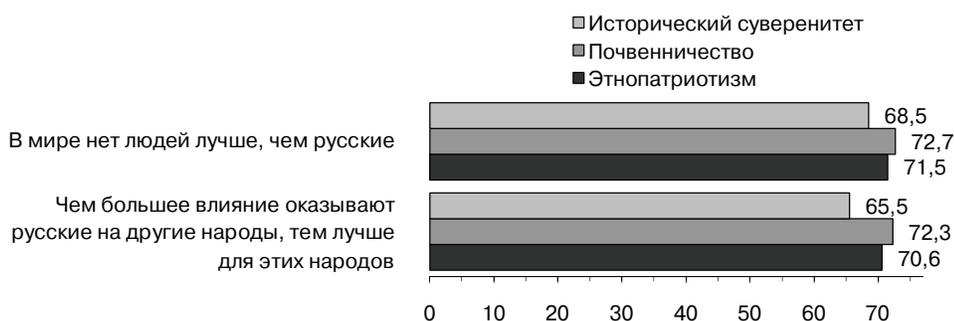

Рис. 2. Этническое позиционирование русских

Экспертное сообщество по поводу реального содержания этнической русской идентичности представило разные суждения, и это, безусловно, свидетельствует, что в настоящее время идет активный поиск и смысловая делимитация сути «русскости». В рамках актуализации темы этнической идентичности вопрос «Что нужно для того, чтобы считаться русским?» пока еще вызывает заметное затруднение даже у экспертов, нередко вместо определенных ответов предлагающих множественные, нечеткие, субъективно окрашенные, с размытыми семантическими берегами.

Сложность в определении «русскости» связана с существованием принципиально различных подходов к соотношению русских с определенным типом этнонациональной общности. Эксперты определяют русских как следующие специфические социальные группы.

Полиэтнос, агрегирующий разные этнические группы. По мнению специалистов, русские не являются этносом в собственном смысле слова. В силу исторического пути России в русском как этническом фенотипе представлены и татары — с Востока, и шведы и Литва — с Запада. На территории исторической Руси, в разнообразных условиях внешней среды, торговых, военных и иных отношений происходило постоянное перемешивание генетического и культурного материала. В результате такого взаимодействия факторов бытия русского этноса, его социоприродной эволюции, русские — полиэтнос. Этим, между прочим, эксперты объясняют большую толерантность русских, нежели многих других этнических групп. Однако именно полиэтничность состава затрудняет для русских осознание своей особенности, маркировку точных границ своей этнической суги и самой нации.

Государствообразующий этнос, который «выше» текущей эмпирики узкоэтнического бытия и которому свойственно наднациональное сознание своих исторических целей. По мнению специалистов, такое понимание ведет к реставрации дореволюционной ситуации, когда русский народ был стержнем империи, под его крылом и под сенью православия все остальные этносы и народы нормально сосуществовали и развивались, православие никого ни к чему не принуждало, хотя было государственной религией. Это, по сути, возвращение к имперскому сознанию, имперской миссии русского народа по обустройству России со всеми населяющими ее этносами в новых исторических и геополитических условиях. В соответствии с данной позицией русский этнос обладает особым статусом относительно других этнических групп, что в контексте современного права порождает юридически трудноразрешимые вопросы и едва ли может обеспечить конструктивную коммуникацию с этническими группами, которым отводится периферийная роль.

Тем не менее, несмотря на затруднения, обусловленные таким подходом, определение русского этноса как государствообразующего, исторически станового встречается в значительной части экспертных интервью. Более того, представление экспертов о «русскости» воспроизводит замысел нынешних амбициозных модернизационных проектов, соотносящих нацию с государством и направленных на осуществление «национального рывка» в будущее, организацию «русского чуда» — экономического, технологического, политического и цивилизационного прорыва. В данном контексте принципиальную важность обретает вопрос о критериях соответствия реального, исторически определенного, социального агента такого национально-государственного строительства эмпирически вычлененному, должному содержанию «русскости».

Стремление обнаружить объективные основания «русскости», как правило, приводит экспертов к культурному и этническому («кровному») ее определению, что можно сопоставить с двумя известными моделями современного национализма. *Этнический* подход предполагает признание первостепенной важности русских «родовых корней», преэминентности генетических качеств — в той мере, в какой необходимо, чтобы представители этноса не переставали считать себя и своих соплеменников русскими. *Культурный* подход, который в настоящее время является доминирующим, выражается следующим принципом: чтобы быть русским

(по собственным ощущениям и в восприятии других), необходимо владеть русским языком, быть причастным русской культуре, в частности, через фольклор и классическую русскую литературу, знать историю России и чувствовать себя русским, проявлять «архетипическую» русскость в актах мышления и поведения.

Названные подходы могут проявляться и в методологически чистом виде, и — чаще — в комплексных, смешанных вариантах, когда в качестве критериев русскости эксперты указывают признаки, характерные для обоих подходов. Однако доминирование культурной модели русскости актуализирует необходимость рассмотрения этнической идентичности в иных аспектах, выявленных в ходе массового опроса, в том числе с точки зрения базовых ценностей, определяющих содержание русскости.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Другим самостоятельным основанием идентичности русских москвичей, наряду с этническим, служит *гражданское самоопределение*. В общей структуре идентификаторов гражданское чувство, как было отмечено ранее, занимает третью позицию. Как и в случае с этнической принадлежностью, гражданская позиция участников опроса, по сути, однополярна и выражена общим высококонсолидированным мнением. Русское население московского региона почти единогласно утверждает высокую значимость (средняя оценка 4 балла) таких гражданских скреп нации, как *гордость за свою страну*, *гражданство России*, принадлежность ее общественно-государственному целому.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Вопрос религиозной идентичности русских в настоящий момент является одним из наиболее запутанных и заслуживает отдельного обсуждения. Недавний исторический опыт государственного атеизма, бурный процесс «второго крещения Руси» и глобальная цивилизационная среда текущего момента задают сложную фактуру отношений русского человека к религии вообще, к православию в частности и к атеизму как особой форме проявления русскости. В формирование этого сюрреалистического узора впадают и отношения к другим религиям. Весь этот религиозно-мировоззренческий композит с необходимостью участвует в кристаллизации религиозной идентичности русских, проживающих на территории Москвы и Московской области.

Прежде всего, представляет интерес простая статистика, раскрывающая формальную принадлежность респондентов тому или иному вероисповеданию: четыре пятых (79,4%) русского населения московского региона считают себя православными, которые вместе с небольшой группой (3,6%) адептов более универсального «общехристианского» конфессионального «неформата» составляют 83% верующих в Христа. Почти шестеро меньшую долю (14,8%) составляют атеисты. Фактически этим выбором и исчерпывается все религиозно-конфессиональное разнообразие московского региона, причем данное распределение не имеет каких-либо значимых социально-демографических изломов.

Женщины традиционно чуть более активно декларируют свою религиозность, чем мужчины, так же как и представители старших поколений в сопоставлении с молодежью.

Несколько неожиданной оказалась положительная корреляция религиозного чувства с уровнем образования: респонденты с высшим образованием и ученой степенью чаще заявляют о своей вере, нежели люди со средним и тем более начальным образованием (интерпретация данного факта выходит за рамки аналитических возможностей статьи).

Принимая в расчет представленные статистические характеристики, необходимо подчеркнуть, что сама по себе конфессиональная принадлежность, конечно же, не означает автоматической идентификации этноса по религиозному признаку. Выяснение его действенности в формировании идентичности требует дополнительных инструментов.

Исходя из этого для воцерковленной части русского населения московского региона важный информационно-аналитический контекст создают обобщенные оценки значимости своей религиозной идентичности и практического вероисповедания. Полученные эмпирические данные подтверждают высокий статус таких принципов религиозного единства русской нации, как *принадлежность православной церкви* и *гордость своей причастностью к православию*. Жители Москвы и области из числа русских с высокой степенью согласия признали принципиальную важность для них этих условий собственной религиозной детерминированности: оценки названных факторов (4,5 и 4,6 балла соответственно) близки к своим абсолютным величинам и явно выше тех, что были получены в отношении этнической и гражданской идентичности.

Интенсивность личной обрядовой практики позволяет лучше понять укорененность и глубину религиозного чувства православных русских, проживающих в московском регионе: наиболее распространенная регулярность участия в богослужении — несколько раз в год, характерная для трети (36,8%) русского населения Москвы и области, которое относит себя к какой-либо религии. Чуть чаще — раз в месяц — и, напротив, несколько реже — раз в год — ходит на службу в церковь почти каждый пятый верующий столичного региона из числа русских (18,8% и 17,1% соответственно). Другая пятая часть (19,3%) вовсе не посещает церковь, образуя за церковной оградой, по сути, группу «номинальных православных»; 5,4% православных жителей региона ходят на службы еженедельно.

Такова в общих чертах модель нынешней идентичности русского населения московского региона, полученная по результатам социально-гуманитарной экспертизы процесса этнизации массового сознания русских в Москве. Характеристика и анализ причин, факторов и содержания этого развивающегося явления будут представлены в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Сумма числовых показателей превышает 100%, так как данный вопрос допускал возможность двух вариантов ответа.
- (2) Оценка по пятибалльной шкале, от «1» — полного несогласия, до «5» — полного согласия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алисов Н.А., Гаспаривили А.Т., Исаев А.К., Оносов А.А.* Трудовая миграция в Москве: факты, мнения, перспективы (Ситуационный анализ и моделирование национальной миграционной стратегии). М.: Изд-во Московского университета, 2015.

MEASUREMENTS OF THE RUSSIAN IDENTITY: SOCIOLOGICAL ASSESMENTS AND HUMANITARIAN EXPERTISE

A.A. Onosov¹, A.T. Gasparishvili²

¹Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

²Institute of Sociology
Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, Bldg.5, Moscow, Russia, 117218

Within the framework of the existing scientific approaches, the authors consider the process of ethnization of the Russians' mass consciousness under the expanding internal and external labor migration in Russia. The article presents the results of the situational analysis and humanitarian expertise of the set of key challenges determined by the migration. Based on the statistics, opinion polls data and expert assessments the article describes the empirical model of the identity of ethnic Russian population of Moscow and the Moscow region as the major centers of attraction for international migrants. The comprehensive analysis of the issues and controversies of the labor migration in the region and relationships of ethnic groups living in the region is preceded by the description of the identity of native inhabitants of the region as perceived by the ethnic Russian population. To measure the identity for the axiological ranking the authors use a number of relatively independent variables besides ethnic (national) identity: religious involvement, civilizational orientation, cultural, professional, territorial and other important features. Thus, the authors present a multi-dimensional space of identity, in which each dimension has its specific meaning for personal self-identification and its own scale for assessing particular attributes.

Key words: identity; labor migration; ethnic identity; ethnization; civil identity; religious identity; public opinion; humanitarian expertise.

REFERENCES

- [1] *Alisov N.A., Gasparishvili A.T., Isaev A.K., Onosov A.A.* Trudovaja migracija v Moskve: fakty, mnenija, perspektivy (Situacionnyj analiz i modelirovanie nacional'noj migracionnoj strategii) [Labour migration in Moscow: Facts, opinions, prospects (Situation analysis and national migration strategy modeling)]. М.: Изд-во Московского университета, 2015.